

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть война

Смерти нет

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
Смерти нет

Москва
2021

ВСТУПЛЕНИЕ

от автора

Так вышло, что первая книга *Варяга* начинается в середине десятого века, то есть в конце правления великого князя Игоря. И один из самых интересных правителей нашего Средневековья князь Олег Вещий остался «за кадром» моей истории. Правитель, в отличие от наследовавшего ему князя Игоря, сильный, успешный и умелый. Расширивший пределы государства, изрядно потеснивший хазар и устоявший перед натиском появившихся в степях печенегов.

То есть это был чрезвычайно интересный фрагмент истории, о котором мне очень хотелось написать, но линейность повествования не позволяла. Именно ради такой возможности я все-таки решил вторично нарушить правила исторического романа и дать возможность Сергею Духареву войти во временное пространство ещё раз. Чтобы восполнить для себя и для вас, друзья мои, упущенный мною фрагмент истории Древней Руси.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЛЕГКО НЕ БУДЕТ

ГЛАВА 1,

*в которой князь-воевода моровский
обнаруживает, что он больше не князь
и даже не свободный человек*

Очень страшно. Хочется забиться в щель, как таракану. Кровь, кровь вокруг. На земле, на одежде... Везде. Заползти вон хоть в будку собачью. Нет, лучше под крыльцо. Там деревяшка отходит, если потянуть. Там местечко махонькое, но ведь залезал когда-то. В те времена, когда ещё в одной рубахе бегал. Заползти тихонько, не услышат. Вон как вокруг кричат. Аж сердцу больно. Вот так, деревяшку в сторону... Голова прошла, а значит, и весь...

Рывок, да такой, что затрещали порты. Боль обжигает руку, и он уже снаружи. Висит над землёй. А сверху — огромная бородатая рожа. Алые свежие брызги на щеках и уже запёкшиеся, потемневшие — на волосатой ручище. И зубастая пасть, изрыгающая звуки, похожие на собачий лай.

Теперь уже не страх — ужас. Струйка течёт по ноге, льётся на землю.

Чудовище рывкает ещё раз — он летит наземь, ударяется головой...

Последняя быстрая мысль, ещё в полёте: спрятаться хоть куда-нибудь. И пусть всё быстрее закончится.

А дальше — пустота.

Мир прояснился. Сергей лежал на боку. Перед ним, метрах в полутора — внутренняя сторона борта. Промолённые шнуры меж досок, тронутые ржавчиной шляпки гвоздей.

Лежать было не больно. Неудобно, да. Но совсем не больно. Вообще нигде не болело.

А ещё Сергей немного замёрз.

Аккуратно, чтобы не нагрузить лишний раз спину, хотя та почему-то совсем не ныла, Сергей повернулся на бок, потом сел.

Точно, он на корабле. На корме лоды. Верней, драккара, потому что туго натянутый парус украшал Торв молот.

Очень загадочно.

Хотелось есть, пить и обегчиться. В возрастающей последовательности. И вдобавок странное ощущение: будто Сергей сейчас взлетит.

И ещё: мир изменился. Виделся чётко и был полон звуков и запахов, которые трудно назвать приятными.

И тут Сергей увидел свои босые ноги. Вернее, это были точно не его ноги, потому что они были меньше, тоньше и торчали из грубых холщовых штанов, в которых по осеннему времени даже его, князь-воеводы, холопы не ходили.

И руки тоже были не его. Маленькие, без характерных мозолей от меча на ладонях. Сергей сжал кулаки. Это оказалось легко, потому что пальцы стали гибкими. Однако сами кулаки при этом сжались как-то неправильно. Не так, как раньше.

Сергей провёл рукой по лицу. Лицо оказалось тоже не его. Голое и гладкое, как у женщины. Испугавшись, Сергей сунул руку... Нет, всё нормально. Пол мужской. Хотя и в штанах тоже... Не его.

Вот же... ситуация.

Может, он умер и попал куда-то... Куда? На рай или ад не похоже. Во всяком случае, если верить священникам.

В Валхаллу? Тоже вряд ли. Там он наверняка в воинах был бы. По совокупности деяний.

Может, это Ирий?

Но тогда почему на парусе молот Тора? И откуда в Ирии эти двое, что сидят на палубе и что-то жрут? Они же, судя по причёске, одежке и татушкам, явные нурманы.

Так, стоп.

А почему он, собственно, решил, что умер? Может, его душа перепорхнула в какое-то другое тело?

Так, снова стоп. Это пока неважно. Что он помнит? Последнее?

Так. Последнее, это когда его какой-то великан сцапал, а он в штаны напрудил.

А до того?

А до того он — в Киеве. Верхом на Пепле спускается по узкой улочке, и прохожие уступают ему дорогу. Многие кланяются.

А он смотрит вперёд, стараясь сохранить строгое выражение лица и держать прямой спину, в которую жадно вгрызается боль.

«Я — князь моровский, Сергей, — напомнил он сам себе. — У меня двое родных сыновей и один приёмный. А ещё дочь, которая замужем за благородным Йонахом бар Машегом. И ещё у меня жена, Сладислава, которую я очень люблю...»

Блин! Если он умер, Сладе будет тяжело. Сколько лет они вместе? Пятьдесят? И жива ли она?

Этого не помнилось. Но не помнилось и её смерти. Сергей вдохнул, выдохнул и огляделся.

Корма драккара. Вокруг какие-то тюки. И какие-то люди. Человек двадцать. Мужчины, женщины,

шестеро подростков обоего пола. Большинство спят, свернувшись клубочком или прижавшись друг к другу. Одежда на всех... Ну, примерно, как у него. Рабская. И кожаные ошейники. Рука сама потянулась к шее. Точно, кожаная полоска. Достаточно свободная, чтобы не мешала, но, не разрезав, не снять.

Выходит, он теперь раб?

Сергей ещё раз ошупал шею. Потёртости на ней имелись, но не мозоли. Значит, ошейник на него надели недавно.

Он ещё раз оглядел своих... братьев по несчастью?

Воев среди них точно не было. Не то телосложение. Смерды, скорее всего. Учитывая, на каком корабле они плывут, выстроить логическую цепочку не так уж трудно. Их всех захватили нурманы¹. Причём относительно недавно. Получается, он теперь раб?

Ну, подобное с Сергеем уже случилось. Правда, тогда он был здоровенным парнем с пудовыми кулаками... И нулевыми навыками владения оружием.

Теперь, судя по тому, что он видит, до здоровенного парня ему ещё расти и расти.

А как с остальным? С навыками?

Сергей встал. Получилось легко и просто. Уже лет двадцать такой лёгкости не было.

Ну-ка... Сергей без труда запрыгнул на ящик... И еле удержался.

С равновесием точно было что-то не то. Хотя голова не кружится. Просто как-то... неловко.

Ухватившись за борт, Сергей одной рукой развязал портки и с наслаждением пустил струю. Вода, бегущая

---

¹ Напомню: н у р м а н ы (норманны) — «люди севера». В основном — скандинавы. Д а н ы (датчане), с в е и (шведы), н о р е г и (норвежцы). Впрочем, в эту эпоху такого чёткого деления не было.

вдоль борта, явно была речной. Вернее, озёрной. И берег — знакомым. О! Это же Ладога!

Он отпустил борт, чтобы завязать гашник... И едва не грохнулся. С равновесием, похоже, совсем швах. Пришлось прыгнуть, придерживав штаны, и завязать шнурок уже на палубе.

Так, а что у нас впереди?

А впереди было десятка четыре нурманов: кто на палубе, кто на румах. Но вёсла убраны. Драккар шёл под парусом.

Сергей оглянулся. Кормчий. Тоже нурман. Матёрый. Пегая борода заплетена в две косицы, упрятанные под кожаный жилет.

Глядя на кормчего, Сергей вдруг ощутил страх. Забытое чувство. И понимание: это не его страх. Это что-то... физиологическое. Князь-воевода тоже мог испугаться. В том числе и нурмана, если тот реально опасен.

Но сейчас он боялся не так. Тогда был страх воина. Не слабость в коленках, а осознание опасности и готовность встретить её как подобает.

Теперешний страх был совсем другим. Испугом зайчишки, увидевшего волчью пасть.

Мгновением позже Сергей сообразил: страх не его. Боялся мальчишка, в тело которого он угодил. Страх маленького смерда, ребёнка, проникший через волевою броню опытного воина.

Понять-то он понял, но что теперь с этим делать? Коленки-то дрожат по-настоящему.

Так, сесть и расслабиться. Чего он боится? Что его убьют? Он — воин. Воин, который боится смерти? Смешно. Да и не станет нурман убивать раба. Зачем? Обойтись может как-нибудь по-нехорошему? Ну да, это у них запросто. Но опять-таки калечить его не станут. Нурманы рачительны, имущество берегут. Да и похуже с ним бывало! И пытали его. И травили.

И убивали почти до смерти. Жена потом по косточкам собирала. И вообще: что такое боль, если правильно к ней относиться? Развития без боли не бывает. Так что придётся этому маленькому телу к ней привыкать. И к боли, и к опасности. Потому что жить рабом Сергей не собирается.

Да, он больше не князь. У него нет дружины, земель, связей, богатства. Нет византийского гражданства и друзей из числа владык. Но всё вышеперечисленное ему, Сергею Духареву, никто не дарил. Сам добыл. И снова добудет, ведь впереди, похоже, новая жизнь. А это, блин, гораздо лучше, чем старость. Чем боль, которая никогда не прекратится.

Только одна потеря — действительно потеря. Родные, которых он никогда не увидит. Друзья...

Накатило внезапно. Аж зубами заскрипел. Ни жены, ни детей он никогда больше не увидит! Он один, совсем один в злом, чужом мире!

К собственной боли добавился ужас мальчишки. Захотелось забиться куда-нибудь под скамью, свернуться в клубочек и скулить...

Стоп!

Сергей медленно вдохнул-выдохнул, обуздывая эмоции. Слабость духа он точно не может себе позволить. С такими-то тощими ручонками. Наблюдать, думать, анализировать. Разобраться, куда он попал, что преподнесла новая жизнь.

Ну и постараться эту жизнь сохранить. Ему и в восемьдесят с лишком умирать не хотелось, а уж терять эту, новую, юную, кипящую в каждой клеточке мальчишеского тельца, это уж совсем было бы неправильно. Мелкий? Вырастет. Хилый? Поздоровеет. Конечно, он выживет. Какие могут быть сомнения? С его опытом, жизненными и воинскими умениями, знаниями. Да он тут всех в бараний рог скрутит, дайте срок.

— Жрать сюда, — по-словенски, с акцентом прорычал нурман.

Пленники оживились.

Спящие проснулись, бодрствующие полезли вперёд. Какая-то тётка при этом отпихнула Сергея, едва не сбив с ног. Но он всё же сумел прошмыгнуть, протиснуться между крупными невымытыми телами и ухватить пайку. Сергей выбрался из толпы. Так, что у нас?

Кусок варёной рыбы без соли и лепёшка из скверной муки.

Так себе трофей. Рот, однако, моментально наполнился слюной.

— Дай сюда! — грязная волосатая рука потянулась к лепёшке.

Сергей, не глядя, сунул локтем. Движение вышло корявым, но попал он удачно. В глаз. Кудлатый волосатомордый мужик взревел, замахнулся...

И тут вмешался один из нурманов.

Хлопнул волосатого ладонью по роже. Небрежно, беззлобно...

Мужика, однако, унесло метра на два.

— Каждый есть своё! — нравоучительно изрёк нурман. — Кто чужое брать — наказан больно!

Сергей торопливо запихал в рот остатки. Проглотил, давась. Ужасно вкусно!

— Это пить, — сообщил нурман персонально Сергею, указывая на кадку, в которой плескалась озёрная вода.

Кружки не было. Сергей, на этот раз успевший первым, зачерпнул ладонями. Нектар!

Ещё раз зачерпнул... И его оттеснили. Плохо быть маленьким.

— Зарежу тебя, крысёнок, — прошипел волосатый, оказавшись рядом.

Опять накатила страх, но поддаваться было нельзя. Ни за что.

— А ну, пшёл прочь, пёс! — высокомерно пискнул Сергей.

М-да. Голосок тоже не особо.

Внезапно накатила ярость. Ему — пугаться какого-то раба? Да прям!

Волосатый больше него раза в два, и что? Да, ему вполне по силам убить Сергея, теперешнего. Гипотетически. А по факту — нет, не рискнёт. Ишь как в сторону глаз скосил: не заметил ли нурман?

Такой даже в спину ударить не осмелится. Слизняк.

Другой нурман, с властной физиономией и золотым браслетом на правой руке прошествовал к корме, вернее, к кормчему. Пленники шарахались с его пути с максимальной прыткостью.

За ним — ещё двое. Лицо одного смутно знакомо. Или кажется? Типичный нурман откуда-то с севера.

А может, и не кажется.

— Глянь, Хродмар, мой цыплёнок ожил! — Цепкие пальцы ухватили Сергея за волосы. Увернуться он не успел. — Что, цыплёнок, сам теперь жрать будешь?

Сергей молчал. Внутри — страх и ненависть. Причём страха намного больше. Даже зубы застучали.

— Оставь его, Скилл, — велел властный. — Всё равно он по-людски не понимает. Хочешь, чтобы он опять трясушкой заболел? Вегест, сколько нам ещё?

Говорили они по-нурмански, а не по-словенски. Но Сергей понимал их прекрасно. Языком людей севера он владел практически как родным.

— Если ветер не стихнет, к полудню будем, — помедлив немного, ответил кормчий.

— Уверен, что нам туда надо?

— Надо, Хродмар. Если ты не хочешь увидеть за кормой драккары Стемида. Лично я не хочу.

Хродмар поскрёб бороду, помолчал, поглядел, как убегают из-под кормы пенные «усы».

— Я тоже не хочу, друг. Но кто знает, как они себя поведут, увидав этих трэлей¹?

— Скажем, что купили их в Смоленске. Конунг варягов ушёл к друзьям-свеям. В гарде его сын. Молодой. Мы скажем, он поверит.

— А если...

— Шутишь, хёвдинг²? — угадал вопрос кормчий. — Да кто станет слушать рабов!

Оба рассмеялись.

«По-нурмански я понимаю, — подумал Сергей. — А как с другими языками?»

Ромейский, хузарский, печенежский, латынь... В прошлой жизни Сергей знал как минимум дюжину.

— Ты меня успокоил, Вегест, — сказал вождь нурманов. — Давай я встану к веслу, а ты отдохни.

— Держи, — кормчий передал правило. — Пойду поем. Что-то проголодался я.

Но, сделав несколько шагов, он остановился:

— Ты! — указал он пальцем на одну из пленниц, полную, миловидную, с головой, кое-как замотанной не слишком чистой тряпкой. — Со мной!

Глаза женщины расширились от страха. Сидящий рядом с ней мужичок привстал было, но тут же плюнулся обратно на палубу, а женщина поднялась и безропотно последовала за нурманом.

Никто из пленников не вмешался. На лицах большинства читалось: хорошо, что не меня.

Нурман, приносивший еду, появился опять. Приволок корзину с рыбой, пару ножигов и ещё одну корзину, пустую.

---

¹ Трэль — раб, тир — рабыня (сканд.)

² Хёвдинг — вождь.